

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: Русское изданіе «Амер. Прав. Вѣстникъ» [24 выпуска] — 2 дол. [4 рубля]; Англійскія Приложенія [12 книжекъ] 1 дол. 50 цент. [3 рубля]; Русское Изданіе и Приложенія — 3 дол. [6 рублей].

Terms of annual Subscription: Russian Edition — [Issued semimonthly] \$2.00; English Supplements — [issued monthly] \$1.50; Russian Edition and Supplements — \$3.00. *Rev. A. Hotovitzky, Publisher, 15 E. 97th St. N. Y. City*

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

Vol. XI. — No. 22. NEW YORK, 15 EAST 97TH STREET 15-28 Ноября 1907 г

**Маршрутъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго
Платона, Архіепископа Алеутскаго и С.-Американскаго.**

19 Ноября, понедѣльникъ, БУФФАЛО, Н. І. - Вечерня.

20-21 Ноября. КЛИВЛАНДЪ, О. - Всенощное бдѣніе и Божественная литургія въ праздникъ Введенія во храмъ Пресв. Богородицы.

22-23 Ноября. Келлисъ-Айландъ, Марблегедеъ и Детроитъ.

24-25 Ноября. МИННЕАПОЛИСЪ, Минн. Всенощное бдѣніе и литургія.

1-2 Декабря ЧИКАГО, Илл Всенощное бдѣніе и литургія.

Л. П. КАШЕВАРОВЪ.

(Некрологъ).

Текущій годъ оказывается чрезвычай-но тяжелымъ для Аляскинской Церкви. Губительныя новѣтрія не щадятъ ни стараго, ни малаго. Цѣлыя сотни могильныхъ холмиковъ поднимаются около нашихъ часовень; цѣлые ряды бѣлыхъ крестовъ

грустно было слышать и читать объ этомъ*), а еще грустнѣе—лично видѣть съѣжія могилы и опустѣвшія жилища, когда мы сграницовали нынѣ по Аляскѣ и Алеутскимъ Островамъ, и когда призракъ смерти почти постоянно носился предъ на-

† Л. П. Кашеваровъ.

вырастаютъ надъ ними. Бывали случаи, что вся деревня вымирала, такъ что некому было рыть больше могилъ, некому дѣлать кресты, некому погребать умершихъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ мѣста на старыхъ кладбищахъ не хватало и приходилось открывать новыя. Чрезвычайно

ширимъ взоромъ**). Однако, по неизреченной милости Божіей и по молитвамъ нашихъ друзей, мы съ о. Антоніемъ на этотъ разъ вернулись въ Ситку живыми. Но смерть

*) См., напр., Америк. Прав. Вѣстн. 1907 г., стр. 117—120; 182—185.

**) Тамъ же, стр. 278—282; 303—305.

гналась за нами, обративъ свое оружіе на третьяго нашего спутника, Л. П. К а ш е в а р о в а.

Л а в р е н т і й П е т р о в и ч ь — сынъ священника православной церкви на островѣ св. Георгія Петра Петровича Кашеварова, 25 лѣтъ отъ роду. Первоначальное образованіе получилъ въ Ситкинской миссіонерской школѣ, а затѣмъ — въ С.-Петербургскомъ Духовномъ Училищѣ и Семинаріи. По окончаніи курса, въ 1903 году, онъ вернулся на родину и около года служилъ въ должности псаломщика и учителя при Унгинской часовнѣ, Бѣлковскаго прихода, гдѣ ранѣе служилъ и его отецъ. Три послѣдніе года онъ провелъ въ Ситкѣ, — сначала какъ учитель миссіонерской школы, гдѣ прежде и самъ учился, а потомъ, съ открытіемъ здѣсь Семинаріи, преподавалъ Гражданскую Исторію, Словесность, нѣніе и переплетное мастерство ученикамъ 1 кл. Семинаріи. На немъ же лежало управленіе архіерейскимъ хоромъ и дѣлопроизводство по Ситкинскому Николаевскому Братству. Всѣ свои обязанности онъ выполнялъ съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и аккуратностью и пользовался искреннею любовію и уваженіемъ всѣхъ окружающихъ его людей.

Можетъ быть, долго бы еще мы имѣли удовольствіе служить вмѣстѣ съ Лаврентіемъ Петровичемъ, — ибо ничто не предвѣщало грядущей бѣды, — если бы онъ не надумалъ минувшей весной посѣтить своихъ родителей, которыхъ не видалъ уже около 12 лѣтъ. Впрочемъ, получивъ отпускъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года онъ вполне благополучно совершилъ свой путь на сѣверъ отъ Ситки до Прибыловыхъ Острововъ, повидался съ родными и испросилъ ихъ благословеніе на бракъ съ избранной имъ дѣвушкой. Отсюда, радостный и счастливый, онъ поспѣшилъ въ Кадьякъ, гдѣ ждала его невѣ-

ста. Въ Іюлѣ отпраздновали свадьбу, а въ Сентябрѣ молодая чета присоединилась къ намъ для слѣдованія изъ Кадьяка въ Ситку.

О, это было ужасное плаваніе! Не смотря на то, что Портландъ былъ громаднымъ судномъ, морская болѣзнь тотчасъ же уложила насъ въ постель, а потомъ мучила и терзала насъ постоянно и, казалось, вытягивала всѣ наши внутренности. Бури были настолько сильны, что къ нѣкоторымъ станціямъ боялись подходить. На четвертый день пути, спасаясь отъ шторма въ открытомъ морѣ, мы

Селеніе Унга съ часовней, гдѣ служилъ Л. П. Кашеваровъ.

должны были спрятаться въ Нучекской бухтѣ, — какъ разъ около того мѣста, гдѣ нынѣ весной погибъ Орегонъ, — и простояли здѣсь на якорѣ цѣлыхъ 24 часа. Нучекская церковь была у насъ на виду, но ни намъ невозможно было подойти къ берегу, ни оттуда къ намъ никто не могъ добраться. Черезъ сутки мы стали было выходить и встрѣтили другой корабль, Санта Клара, ищущій убѣжища въ нашей бухтѣ. Мы думали, Санта Клара повреждена бурей и нуждается въ починкѣ, и что ея появленіе больше ничего не означаетъ: однако черезъ часъ и намъ пришлось вер-

нуться снова на старое мѣсто, ибо морэ бушевало по-прежнему. Вскорѣ къ намъ присоединился правительственный пароходъ Борнсайдъ, на которомъ возвращался въ Джуно нашъ губернаторъ. Такимъ образомъ, въ пустынной бухтѣ оказались три громадныхъ судна, стоящихъ на якоряхъ и лишенныхъ возможности двинуться въ море. Наконецъ, еще черезъ сутки пошли: мы впереди, за нами Борнсайдъ и въ хвостѣ Санта Клара. Но часа черезъ два Санта Клара отстала, Борнсайдъ отклонился въ сторону, и мы остались одни, пока не дошли до Кателлы. Здѣсь уже были другія два судна, Санта Ана и Саратога, давно ожидающія разгрузки. Портландъ былъ третьимъ, а позднѣе явилась и Санта Клара. Но къ берегу подойти было невозможно, и даже якорь бросить не могли. И вотъ для насъ началась новая попытка: цѣлыхъ 48 часовъ, два бурныхъ дня и двѣ ужасныхъ ночи провели мы подъ парами, оставаясь все время на рейдѣ и не оставившая машинъ. Впрочемъ, Саратога куда-то исчезла, а три остальныхъ судна должны были крейсировать день и ночь. Море было буквально бѣлое; водяныя брызги цѣлыми тучами носились вокругъ насъ подобно урагану и не давали намъ выйти на палубу; вѣтеръ свистѣлъ въ снастяхъ и рвалъ на куски паруса и брезенты; желѣзныя части гремѣли; судно скрипѣло и дрожало какъ въ судорогахъ. Капитанъ и команда измучились. Пассажиры, конечно, еще болѣе. Мы съ о. Антоніемъ надѣвали уже пробковые спасательные пояса и выбирали направление, куда нужно будетъ плыть въ случаѣ гибели судна. Молодая супруга Лаврентія Петровича почти не выходила изъ каюты. Самъ же онъ хотя и крѣпился, но видно было, что это путешествіе даромъ ему не пройдетъ. Онъ началъ покашливать, жа-

ловался на одышку и боль въ груди.

Наконецъ, потерявъ всякую надежду на возможность разгрузки, мы рѣшили идти въ Якутатъ и вышли въ море. Но, Боже, — что это было за море! Раскачавшіяся за четыре дня волны были буквально подобны горамъ; онѣ бросали наше судно какъ щенку въ разныя стороны — то низводя во глубину, то возводя до облаковъ, чтобы сейчасъ же снова низринуть его въ бездну. Мы должны были употреблять всякія усилія, чтобы не оказаться въ любой моментъ на полу и не разбиться.

Но вотъ, еще черезъ сутки, показался и Якутатъ. Мы могли передохнуть и осмотрѣть одинъ другаго. Лаврентій Петровичъ замѣтно подался. Къ счастью, на пароходѣ среди пассажировъ оказался докторъ, который взялъ на себя заботу смотрѣть за нимъ.

Отъ Якутата намъ оставалось пройти еще около 250 миль, чтобы добраться до Джуно, — и мы, конечно, прошли ихъ, хотя, кажется, совершенно потеряли человѣческой образъ. Въ ночь съ 25 на 26 Сентября съ впалыми глазами, блѣдно-желтыми лицами, головокруженіемъ, болью въ груди, слабыми ногами и пустыми желудками мы прибыли въ Джуно и остановились въ гостинницѣ. Портландъ пошелъ дальше, а черезъ пять-шесть часовъ должна была ступить Джорджія, на коей намъ предстояло совершить послѣдній переходъ — до Ситки.

Дѣйствительно, къ утру Джорджія явилась и мы снова приготовились въ путь, предвкушая уже сладость домашняго покоя. Однако, — увы! — зазвенѣлъ телефонъ и возвѣстилъ намъ, что Джорджія сожгла свой кетель и не можетъ идти, и что вмѣсто нея пойдетъ Ростлеръ. Это извѣстіе какъ громомъ поразило насъ. Мы очень хорошо знали

Ростлеръ: это была скорлупа, могущая вмѣстить не болѣе четырехъ пассажировъ перваго класса, ибо тамъ была только одна каюта и двѣ постели въ крошечной столовой. Тѣмъ не менѣе намъ не хотѣлось ждать большаго парохода, который ожидался только черезъ недѣлю, — и вечеромъ 26 Сентября мы выѣхали. Мѣста, конечно, не было, — не только для сна, но даже посидѣть. Даже багажа нашего взять не могли, ибо негдѣ было его положить. Каюту занялъ какой-то грубый американецъ съ своей женой и преспокойно тамъ заснулъ, а остальная публика размѣстилась прямо на голомъ полу, положивъ подъ голову что шанку, что пиджакъ, а кто и просто кулакъ. Большая же часть пассажировъ, — коихъ собралось до 50 человекъ, — сидѣли и стояли въ кухнѣ, въ трюмѣ, въ машинномъ отдѣленіи, не имѣя возможности ни минуты заснуть. Лаврентій Петровичъ дремалъ въ столовой, рядомъ съ женой, сидя на какомъ-то ящикѣ съ провизіей. Оба страдали ужасно — и отъ морской болѣзни и отъ утомленія. Но дѣлать было нечего. Другимъ и сѣсть было негдѣ. Отецъ Антоній пробовалъ-было устроиться сначала на палубѣ, на канатахъ, — но они оказались очень жесткими; тогда онъ легъ въ лодку, стоявшую тамъ же, — но въ ней оказалась вода; наконецъ, онъ снялъ свою рясу и легъ гдѣ-то внизу на полу, чтобы хоть какъ нибудь скоротать эту ужасную ночь. Я же, не видя никакого другаго исхода, завернувшись въ свой неизмѣнный резиновый плащъ и рѣшительно легъ на полу подъ открытымъ небомъ, на палубѣ. Дуль вѣтеръ — то съ одной, то съ другой стороны, лилъ дождь какъ изъ ведра, сыпались искры изъ трубы, по полу ходила лужа грязной воды, пароходъ вертѣло съ боку на бокъ, — но спасенія не было. Такъ, безъ пищи и даже безъ питья, я провелъ всю ночь на четвергъ и

весь этотъ день. Такъ же, должно быть, пришлось бы коротать и слѣдующую ночь, — и я уже готовился къ ней, — но это физически оказалось невозможнымъ: пароходъ стало до такой степени сильно бросать, что оставаться на палубѣ было невозможно безъ явной опасности улетѣть за бортъ. Правда, каютный американецъ, выспавшись, великодушно и двукратно предлагалъ мнѣ свое мѣсто, но я, конечно, не могъ принять его предложенія, видя больнаго Лаврентія Петровича и его жену въ положеніи гораздо худшемъ, чѣмъ мое. Пользуясь моментомъ, Лаврентій Петровичъ занялъ каюту, а о. Антоній легъ на полу у входа въ нее и не допускалъ туда никого больше. На вторую ночь я спустился въ столовую и началъ осматриваться, гдѣ бы посидѣть и согрѣться. Но ничего подходящаго не нашель. Тогда, переступая черезъ спящихъ на полу, я поставилъ рядомъ три стула, положилъ вмѣсто подушки пробковый поясъ и легъ. Какъ ужъ мы спали, что видѣли во снѣ, — знаемъ только мы сами.

Наконецъ, въ пятницу вечеромъ, 28 Сентября, мы подошли къ нашей Ситкѣ, на четырнадцатый день послѣ нашего отъѣзда изъ Кадьяка, тогда какъ обычно этотъ путь дѣлаютъ въ 5-6 дней. Насъ не шутя считали погибшими или вмѣстѣ съ Портландомъ, или съ Ростлеромъ. Поэтому весь городъ вышелъ къ намъ на встрѣчу и громадная толпа народа провожала насъ до самаго архіерейскаго дома, который былъ украшенъ флагами и вмѣстѣ съ прочими обновленными миссійными постройками представлялъ въ высшей степени живописную картину. Въ крестовой церкви совершили благодарственное Господу Богу молебствіе, поздоровались, поговорили и разошлись по своимъ келліямъ.

Для Лаврентія Петровича былъ приготовленъ отдѣльный домъ. Но не съ ра-

достнымъ чувствомъ ввелъ онъ туда свою молодую жену. Почти тотчасъ же по приѣздѣ потребовалось пригласить доктора. На другой день ему было плохо, на третій стало еще хуже, еще черезъ день появилась серьезная опасность близкаго конца, а черезъ недѣлю его уложили въ постель. Родные и братчики стали дежурить. То жаръ, то бредъ, то боль въ груди, то сердце не въ порядкѣ, то печень пухнетъ... Потребовались двѣ операціи, морфій. Наконецъ, видя безуспѣшность человѣческихъ усилій спасти болящаго, но отнюдь не теряя еще надежды на это, мы рѣшили обратиться съ нарочитою молитвою къ небесному Врачу душъ и тѣлесъ, и въ пятницу, 12 Октября, нанутсвовали больного, а въ Воскресенье, 14 Октября, возгласили особыя прошенія о здравіи его на проскомидіи, на великой и сугубой эктеніяхъ и прочитали молитву, положенную для подобныхъ случаевъ въ „книгѣ молебныхъ пѣній“. Въ это время о. Андрей безотлучно находился у постели больного и, замѣтивъ, что начинается предсмертная агонія, благословилъ его и сталъ читать канонъ на исходъ души, затѣмъ принялъ послѣдній вздохъ умирающаго и закрылъ его глаза.

Мы пѣли символъ вѣры, когда С. І. Костромитиновъ, блѣдный какъ полотно, какъ-то украдкой вошелъ въ алтарь, видимо желая что то сказать мнѣ, но не зная, какъ это сдѣлать. Наконецъ, когда я подошелъ къ нему, онъ едва внятно прошепталъ:

— Лаврентій Петровичъ скончался....

Другіе поняли все и безъ словъ.

Сообразуясь съ обстоятельствами, во время причастна я сказалъ проповѣдь и объявилъ людямъ о случившемся, приглашая всѣхъ помолиться объ упокоеніи души новопреставленнаго раба Божія Лаврентія. Затѣмъ въ соборѣ же была совершена и первая архіерейская паннихи-

да. Прямо изъ церкви я поспѣшилъ „въ домъ плача“, который былъ приготовленъ для радостей. Русскій и американскій флаги, спущенные до половины мачтъ, развѣвались надъ миссіей. Одѣтый въ сюртукъ и съ вѣнчикомъ на челѣ, покрытый черной пеленой, Лаврентій Петровичъ лежалъ уже „подъ иконами“; надъ нимъ горѣла лампада и братская хоругвь осѣняла его мертвенное ложе. Вокругъ слышались плачь и рыданія. Молодая вдова была безутѣшна и едва могла подойти ко мнѣ. Это была ужасная минута. Что было сказать ей, чѣмъ успокоить, — когда я и самъ былъ пораженъ столь неожиданнымъ ударомъ?! Я попросилъ о. Андрея провозгласить „во блаженномъ усненіи“... но тотъ былъ настолько разстроены, что не могъ ничего сказать. Тогда я самъ сдѣлалъ это, — въ надеждѣ, что ктонибудь пропоетъ „вѣчную память“. Однако и тутъ я ошибся: всѣ опустили на колѣни, но рыданія заглушили мой голосъ и кромѣ меня никто не могъ пѣть. Принесли аналой и начали чтеніе псалтыри. Я прочиталъ первые 27 псалмовъ; послѣ меня стали читать прочіе члены причта и семинаристы.

Въ 6 часовъ вечера, послѣ вечерни съ акаѳистомъ и проповѣдью, въ квартирѣ покойнаго мы совершили вторую архіерейскую паннихиду при пѣніи полного хора. Чтеніе псалтыри продолжалось.

Въ 9 часовъ утра на слѣдующій день тамъ же была совершена паннихида о. Н. Рысевымъ и снова продолжалось чтеніе псалтыри. Въ часъ вечера въ Крестовой церкви былъ отслуженъ нарастае и четвертая архіерейская паннихида на дому. Къ этому времени старшіе воспитанники вмѣстѣ съ братчиками приготовили на кладбищѣ могилу, а В. Шергинъ сдѣлалъ „русскій“ гробъ, который почитатели Лаврентія Петровича украсили цвѣтами и зеленью. Особенно хорошъ былъ крестъ изъ

комнатныхъ живыхъ цвѣтовъ, возложенный отъ семейства Костромитиновыхъ, и такой же крестъ отъ домочадцевъ нашего достоуважаемаго сосѣда, епископа Р. Т. Rowe, D. D. (нынѣ отсутствующаго), съ надписью: „So He giveth His beloved sleep“. Кромѣ того присланы были прекрасные букеты отъ семейства E. De-Groff, W. Mills, отъ учителей пресвитерианской миссиі и др. лицъ.

Во вторникъ, 16 Октября, подъ печальный перезвонъ колоколовъ, тѣло усопшаго было перенесено въ соборъ и здѣсь совершена архіерейская литургія, въ кон-

Могила Л. П. Каневарова, украшенная живыми цвѣтами.

цѣ кой товарищемъ покойнаго по образованію и по службѣ, учителемъ Семина П. И. Чубаровымъ, произнесена проповѣдь, посвященная памяти почившаго. Содержаніе ея было слѣдующее.

*„Скончався вмаи исполни мѣта дома:
годна бо бы Господеви душа его“.*

(Премудр. IV, 13—14).

„Безпощадная смерть не выбираетъ жертвъ согласно съ разсужденіемъ человѣческимъ. Кажется, по взгляду обычному, въ область смерти должны бы отходить тѣ, которые уже большое количество лѣтъ или по тропинкѣ земного существованія, которые по дряхлости, слабости и

болѣзненности тѣла стоятъ близко къ разрушительному дѣйствію дыханія смерти.

Кому бы жить надо, служить на пользу ближнимъ, „дѣлать дѣла Божіи“ на землѣ, того смерть „рановременно“ схватываетъ и отводитъ въ область потусторонней вѣчности. Странны и непонятны дѣйствія Всемогущаго Промысла, когда смотрятъ на нихъ по разсужденію недалекаго ума человѣческаго. „Судьбы Божіи — бездны многа!“ и „кто разумѣ умъ Господень?“ Но если поражаетъ нашъ умъ, наши чувства, чрезвычайное явленіе своею необычностью, или случившееся ставитъ насъ въ глубокое недоумѣніе тѣмъ, что мы не находимъ въ окружающей насъ средѣ, въ нашемъ житейскомъ опытѣ, объясненій для событія, поражающаго насъ, то мы можемъ обратиться за разъясненіемъ къ Откровенію Божію — Св. Писанію.

Всѣ мы, обычно, жаждемъ жизни, жизни счастливой, жизни долгой, жизни даже въ глубокой старости. Господь Богъ же, еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, устами Премудраго говоритъ: „не въ долговѣчности чествая старость, и не числомъ лѣтъ измѣряется. Безпорочная жизнь — возрастъ старости“ (Премудр. IV, 8—9). Господь Богъ измѣряетъ жизнь не числомъ лѣтъ ея, а количествомъ добра, которое содѣлалъ человекъ на жизненномъ пути своемъ. „Рановременно умершій проводникъ, достигнувшій совершенства въ короткое время“, въ очахъ Божіихъ, прожилъ „долгія лѣта“, и старецъ не „благоугодившій Богу“ „безсрочною жизнью“, не „созрѣлъ“ еще для Царства Небеснаго, „юный“ въ очахъ Божіихъ (Ibid.). Господь Богъ, какъ Всевѣдущій и Любвеобильнѣйшій Промыслитель людей, въ своемъ безконечномъ предвѣдѣніи, напередъ видитъ всѣ возможные и разнообразные пути жизненнаго подвига человекъ („еще не содѣянная“)

и потому, иногда, повидимому преждевременно, прерываетъ теченіе „житія человѣческаго“. По свидѣтельству Ветхозавѣтнаго Премудраго, Онъ часто безвременно „восхищаетъ“ человѣка „отъ среды грѣшниковъ“, „чтобы злоба не измѣнила разума его, или коварство не прельстило души его. Ибо упражненіе въ нечестіи помрачаетъ доброе“ (Ibid. IV, 10, 11–12). Далѣе тотъ-же Премудрый говоритъ: чья „душа была угодна Господу“, того „и ускоришь Онъ изъять изъ среды нечестія. А люди видѣли это и не поняли, даже и не подумали о томъ“, что „благодать и милость“ всегда „посѣщаютъ избранныхъ Его“. „Они увидятъ кончину и не поймутъ, что Господь опредѣлилъ“ „объ избранномъ Своемъ“ „и для чего поставилъ его въ безопасность“ (Ibid. IV, 14, 15, 17). Господь Богъ беретъ изъ среды нашей юнаго лѣтами для того, чтобы „воздать ему“ должное по добрымъ „дѣломъ его“ и предохранить отъ жизненной „злобы“, „лжи“ и „упражнения въ нечестіи“, которыя „помрачаютъ“ свѣтлыя свойства и склонности увлекающейся и довѣрчивой молодости.

Предлежащій намъ почившій скончался въ цвѣтущую пору юности, когда онъ только начиналъ общественное служеніе, когда онъ началъ счастливую жизнь семейную, когда былъ еще на порогѣ служенія Алтарю Господню. Тяжелая потеря для молодой подруги жизни его, тяжелая потеря для старцевъ-родителей, родственниковъ и многочисленныхъ друзей, не менѣе тяжелая и для мѣстной церковной общины, пользамъ которой посвящалъ себя молодой труженникъ. Трудная служба школьнаго учителя, обычно неблагодарная, требующая большой затраты духовныхъ силъ, которую несъ почившій, — на глазахъ у всѣхъ. Прямо со школьной скамьи достался ему учительскій трудъ, который онъ совершилъ добросовѣстно и настойчи-

во, не смотря на то, что тайный недугъ, гнѣздившійся въ его сердцѣ уже нѣсколько лѣтъ, подрывалъ его силы, не смотря на то, что ему приходилось постоянно терпѣть скорбь, неудачи, раздраженіе, причиняемая неизбѣжными условіями его служебнаго долга.

Посему, не будемъ, искушая, вопрошать Господа о томъ, почему угодно Ему было изъять полезную, добрую душу отъ среды нашей. Безкорыстное сознаніе долга, образцовая исполнительность юнаго трудолюбца подскажутъ благочестивому настроенію волю Божию о немъ. Послѣдній долгъ нашъ въ отношеніи почившаго — взирать съ любовію на свершенный имъ подвигъ и любовію же покрыть ошибки юности и невѣдѣнія его, если кому таковыя извѣстны, и смиренно умолять Спасителя, да „воздастъ“ Онъ ему по добрымъ „дѣломъ“ его и да вселитъ его въ „вѣчныя кровы“, — тамъ, гдѣ одна только жизнь безконечная, жизнь блаженная, жизнь райская...“

Предъ отиѣваніемъ было сказано поученіе мною на тему: Блаженъ путь, въ онъ же и днешь, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія.

Знамена и хоругви Ситкинскихъ Братствъ, — Николаевского, Михайловскаго и Гавриловскаго, оѣбняли гробъ въ продолженіе всего богослуженія, а послѣ онаго были несены до самой могилы.

ИННОКЕНТІЙ.
Епископъ Аляскинскій.

Ситка, 1907 года.

16 Октября.

Высокія цѣли.

Съ первыхъ же дней пребыванія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Архіепископа Алеутскаго и Сѣверо-Американскаго, въ его новой огромнѣйшей епархіи, между Православной и Епископальной церковью установились самыя дружественныя отношенія. Поводомъ къ гласному обнаруженію доброжелательнаго вниманія Владыки Архіепископа къ этой церкви и къ ея дѣятельности въ странѣ Новаго Свѣта явилось крупное событіе въ лѣтописяхъ этой церкви — празднованіе послѣднею трехсотлѣтія ея существованія въ Америкѣ. Въ собственномъ смыслѣ трехсотлѣтіе истекало еще въ началѣ 1907 года, но всѣ торжества стложены были до осени и приурочены были къ обычной конференціи всей епископальной церкви, когда собраніе почти всѣхъ епископовъ этой церкви, массы духовенства и мірянъ, позволило придать наиболѣе достойный и высокоторжественный характеръ празднованію этого историческаго событія.

И вотъ, къ первому же засѣданію палаты епископовъ прибыла слѣдующая телеграмма Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Платона, составленная въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ.

„Торжественно празднуетъ епископальная американская церковь свой нынѣшній день, въ который завершился ея трехвѣковый ростъ. Радуетса она, и съ нею долженъ радоваться весь христіанскій міръ, ибо ею нынѣ подводится итогъ доблестной борьбы свѣта со тьмою, вѣры съ невѣріемъ. Преполняюсь духовною радостью и я, смиренный епископъ православной церкви, и, привѣтствуя васъ, епископы епископальной Церкви, не могу не сказать вамъ: когда-же, наконецъ, такого рода радости мы будемъ переживать

вмѣстѣ? Когда-же, наконецъ, исполнятся на насъ Слова нашего Спасителя: „да вси едино будутъ“? Когда-же исполнится ежедневное моленіе моей Церкви „о мирѣ всего міра, о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ“?

„О, какое будетъ тогда торжество, когда это будетъ! Какая будетъ тогда радость! Неужели же намъ не суждено видѣть и сей вождедѣнный день, пережить и сіе счастье, быть обрадованными и такою радостью?“

Выслушавъ такое привѣтствіе отъ представителя великой Святой Восточной Церкви, палата епископальныхъ епископовъ успѣшила назначить комиссію изъ достопочтеннѣйшихъ епископовъ Нью-Йоркскаго, Албанскаго и Фон-дю-Лакскаго округовъ, для составленія отвѣтной телеграммы. Отвѣтъ гласилъ слѣдующее:

„Палата епископовъ Американской церкви, получивъ доброе и сердечное привѣтствіе Архіепископа Платона, долгомъ почитаетъ засвидѣтельствовать признательность свою за эту христіанскую любовь его и признаетъ ее шагомъ въ направленіи къ вождедѣннѣйшей цѣли — единенію Каѳолической Церкви, присодня къ молитвамъ его о семъ свои молитвы“.

Нечего и говорить, что результатомъ такого обмѣна привѣтствій было самое благоприятное впечатлѣніе, простершееся далеко за предѣлы Конвенціонныхъ засѣданій и рѣчей. Откликами явились прежде всего сочувственныя замѣтки въ нѣкоторыхъ епископальныхъ изданіяхъ, [а затѣмъ и личные визиты нѣкоторыхъ лицъ изъ епископальнаго духовенства къ Владыкѣ Архіепископу. Такъ, представлялся Его Высокопреосвященству свящ. Перри, секретарь американскаго отдѣленія „Anglican and Eastern Orthodox Union“ бывшій лѣтомъ съ визитомъ и у Преосвященнаго Иннокентія. Принадлежа къ Высо-

кой церкви, этотъ почтенный еписк. пастырь все усердіе свое прилагалъ и прилагаетъ къ тому, чтобы увеличить количественный составъ членовъ указанной выше организаціи, и чтобы тѣмъ самымъ усилить и внутреннюю ея крѣпость и цѣнность. Это Union имѣетъ не мало православныхъ членовъ по ту сторону океана, но здѣсь, въ Америкѣ, гдѣ представители восточныхъ церквей не столь численны, составъ православныхъ членовъ пока не богатъ количествомъ. Само собой разумѣется, что Union-у, въ лицѣ своего секретаря, всего болѣе желательно было бы возглавить американскій листъ именъ православныхъ именемъ старѣйшаго іерарха и Первосвятителя американской церкви. Поэтому, ободренный сочувственнымъ отношеніемъ Владыки Платона къ епископальной церкви, о. Перри и посмѣшилъ представиться нашему Архіепископу, и просилъ у него согласія стать патрономъ А. & Е.-О. Union'a въ Америкѣ и благословить лицамъ подвѣдомственнаго ему духовенства въ С. Американской Епархіи записываться въ члены его. На это Высокопреосвященный Владыка отвѣтилъ, что вписать сейчасъ же свое имя въ списокъ патроновъ А. & Е.-О. Union'a онъ считалъ бы нѣсколько преждевременнымъ и малополезнымъ для дѣла, такъ какъ его подпись въ настоящую минуту не имѣла бы той цѣнности и убѣдительности, какую придало бы ей болѣе продолжительное пребываніе Владыки въ Америкѣ и детальное ознакомленіе съ подробностями и условіями этого почтеннѣйшаго предпріятія. Въ то же время, однако, Высокопреосвященный Архіепископъ теперь же заявилъ, что онъ охотно разрѣшаетъ православному духовенству вступать въ составъ Union'a и помогать остальнымъ членамъ въ общей славной работѣ на пользу завѣтной цѣли христіанскаго міра.

Такое заявленіе радостно было принято о. Перри: являлась надежда, что въ скоромъ будущемъ, къ списку православныхъ патроновъ Union'a изъ русской іерархіи, каковыми являются въ настоящее время Высокопреосвященный Архіепископъ Агаангелъ Рижскій и Высокопреосвященный Архіепископъ Николай Японскій, будетъ присоединено и имя первостоятеля Американской правосл. церкви. Не менѣе ободряющимъ явилось для о. Перри и весьма опредѣленно выраженное желаніе Высокопреосвященнаго Архіепископа Платона дружно, — сообщая съ лучшими силами епископальной церкви и минуя прозелитизмъ, озлобляющій и ослабляющій, — работать въ борьбѣ съ невѣріемъ вѣка, съ крайнимъ протестантизмомъ и латинизмомъ, въ виду чего Владыка нашелъ удобнымъ не только не отклонить, но, наоборотъ, съ благодарностью принять любезное приглашеніе епископаловъ пользоваться ихъ храмами для православныхъ богослуженій въ тѣхъ случаяхъ, когда по миссіонной надобности посѣщаются нашими миссіонерами мѣста, гдѣ нѣтъ еще православныхъ церквей и гдѣ приходится искать пристанища даже для евхаристійнаго Жертвоприношенія въ частныхъ жилищахъ, иногда вовсе неподходящаго къ святости богослуженія характера и назначенія. Въ такихъ случаяхъ братское предложеніе епископаловъ можетъ много помочь православнымъ работникамъ.

Нѣсколько позднѣе, по своемъ возвращеніи съ Конвенціи, пріѣхавъ познаться съ Владыкой и привѣтствовать его съ прибытіемъ въ Америку къ новому мѣсту служенія наиболѣе популярный въ Америкѣ епископъ Нью-Йоркскій Поттеръ. Отъ лица палаты епископовъ онъ еще разъ выразилъ искреннее удовольствіе по поводу полученной на Конвенціи телеграммы Высокопреосвященнѣйшаго

Платона и въ разговорѣ коснулся многихъ вопросовъ, соприкосновенныхъ съ высокимъ предметомъ единенія церквей. Епископъ Поттеръ изъявилъ готовность быть всегда къ услугамъ Владыки во всѣхъ случаяхъ, когда онѣ могли бы быть полезными, и надежду, что дальнѣйшее пребываніе Владыки Архіепископа въ Нью-Йоркѣ дастъ возможность какъ ближайшаго обоюднаго знакомства въ области личныхъ отношеній, такъ и столь желательнаго ознакомленія съ теченіями современной жизни въ Русской и Американской церквахъ. На другой день Владыка былъ у епископа Поттера съ отвѣтнымъ визитомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Скромное чествованіе.

6 Ноября состоялось скромное чествованіе одного изъ старѣйшихъ работниковъ нашей Миссіи, казначея Сѣверо-Американскаго Духовнаго Правленія о. Петра

Игнатъевича Попова. Почитатели и собратья его рѣшили ознаменовать десятилѣтнюю годовщину его правленской службы поднесеніемъ ему наперснаго креста и адреса, на что испрошено было Архiepиастырское благословеніе Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Платона. Личное присутствіе Владыки при чествованіи усугубило радость юбиляра, особенно, когда, послѣ прочтенія однимъ изъ собратьевъ нижепомѣщаемаго адреса, Владыка Архіепископъ самъ обратился къ о. Попову съ отеческимъ благожелательнымъ привѣтомъ, и въ сердечныхъ словахъ засвидѣтельствовалъ о. Петру свое личное уваженіе къ его почтеннымъ качествамъ, къ его усердной работѣ, и надежду дожить до настоящаго, многолѣтняго юбилея его службы на томъ же славномъ поприщѣ миссіонерствованія въ Америкѣ. Въ заключеніе слова своего Владыка благословилъ юбиляра образомъ Божіей Матери, предъ которымъ о. Петръ растроганно склонился до земли.

Прочитанный адресъ составленъ былъ въ такихъ выраженіяхъ:

Высокочитимѣйшій о. Петръ!

10 лѣтъ тому назадъ святительская мудрость Преосвященнаго Николая привлекла Васъ къ высокому служенію въ званіи Члена С. Американскаго Духовнаго Правленія, призвавъ Ваши силы, способности и дарованія къ отвѣтственной работѣ на пользу и ко благу нашей православной Миссіи. Такимъ образомъ, уже въ юношескихъ лѣтахъ Вы поставлены были при кормилѣ нашей Епархіи, и съ тѣхъ поръ безпрерывно являлись однимъ изъ ближайшихъ и виднѣйшихъ труженниковъ въ дѣлѣ осуществленія предвѣщаній Епархіальнаго Начальства, то какъ секретарь, то какъ казначей Правленія, то какъ помощникъ благочиннаго, одновременно совершая и высочайшее служеніе пастырства. Во все это время, съ несомнѣнной очевидностью Вы заявили себя тѣмъ, что наиболѣе цѣнно на такомъ посту: Васъ съ особенною справедливостью всегда можно было назвать чело в ѣ к о м ѣ д о л г а и безпристрастія. Воспитанный въ уваженіи къ закону и дисциплинѣ, Вы всегда были болѣе всего требовательны къ самому себѣ, и тѣмъ давали добрый урокъ всѣмъ соприкасавшимся съ Вами во всѣхъ отрасляхъ Вашего служенія. Никакія внѣшнія обстоятельства не могли ослабить въ Васъ сознанія Вашего долга: всегда и во всемъ подвизались Вы, въ предѣлахъ Вашихъ полномочій, не только

за страхъ, но и за совѣсть. Эта благородная, счастливая черта Вашего служебнаго настроенія проникала въ роды Вашей общественной дѣятельности и стяжала Вамъ заслуженное довѣріе Архипастырей, всегда увѣренно полагавшихся на Васъ во всемъ, что поручалось Вашей заботливости и попеченію, любовь и уваженіе отъ всѣхъ собратій Вашихъ, и сыновнюю преданность отъ паствы ввѣренной Вашему духовному водительство. Имя Ваше и здѣсь, на материкѣ, и далеко на Аляскѣ, — по всей Епархіи, которую Вы по служебной надобности извѣздили почти во всѣхъ направленіяхъ, — произносится всегда какъ имя нелицепріятнаго,

Священникъ П. И. Поповъ.

безкорыстнаго работника, уравновѣшеннаго, отзывчиваго товарища-собрата, и заботливаго, христіански-настроеннаго, исполненнаго благоговѣнія, священника-душеспастыря.

И нынѣшнее привѣтствіе наше является именно отзвукомъ тѣхъ благодарныхъ, сердечныхъ чувствъ, какими платитъ Епархія Вамъ за Вашу минувшую добрую дѣятельность на ея пользу. И пусть это скромное импровизированное чествованіе ободритъ Васъ еще къ долговому служенію во благо всѣмъ намъ близкаго и святаго миссіонерскаго дѣла, — ибо достоинъ дѣлатель мзды своея.

Правда, уже и минувшее десятилѣтіе было неоднократно свидѣтелемъ трогательныхъ проявленій любви и благодарности къ Вамъ, какъ служителю Церкви Божіей въ этой Миссіи. Не будетъ говорить о знакахъ отличія, которыми одарило Васъ Высшее Священноначаліе, — а припомнимъ лишь безыскусственныя, исходившія изъ простыхъ сердець вашихъ пасомыхъ, рѣчи, коими они провожали Васъ изъ приходовъ, гдѣ, какъ добрый пастырь, сѣяли Вы слово Божіе, — припомнимъ тѣ слезы, какими обычно сопутствовалось разставаніе съ Вами, когда воля Епархіальнаго Начальства посылала Васъ на новыя нивы, требующія Вашей опытной руки, Вашей усердной работы. Припомнимъ и вѣщніе знаки, коими любовь пасомыхъ Вашихъ хотѣла привязать память Вашу къ нимъ навсегда, — пастырскій посохъ, поднесенный Вамъ Бриджпортчанами за ваше ревностное, вѣчно памятуемое ими, какъ свѣтлая страница ихъ церковной лѣтописи, пастырствованіе у нихъ, трогательное подношеніе Вамъ молебныхъ креста и евангелія скромной Пассайкской церковью, убожество коей не устранило Васъ, не заставило Васъ искать болѣе виднаго, доходнаго прихода, а наоборотъ, побудило Васъ отдаться здѣсь пастырскому дѣлу со всею усердіемъ, благоустроить эту церковь и взлелѣять рядомъ ея и новыи ростокъ, — организовать и призвать къ жизни новый приходъ въ Нью-Аркѣ, гдѣ Вы нынѣ и создаете дѣло Божіе, многими лишеніями и скорбями входя въ радость добраго дѣлателя.

Но наше привѣтствіе не имѣетъ своей цѣлью обнимать во всехъ подробностяхъ Ваши заслуги, исчислять детально все работы, понесенныя Вами на благо Миссіи. Это не формуляръ, — нѣтъ, это простой задушевный откликъ по поводу пройденной десятилѣтней грани Вашей выдающейся дѣятельности въ Церкви Американской. Знаемъ, что это чествованіе застанетъ Васъ совершенно неподготовленнымъ, знаемъ, что Вы не ожидали вовсе ознаменованія этого дня, — но вѣримъ, что отъ этого выраженія нашей любви товарищеской признательности не потеряютъ въ Вашихъ глазахъ своей силы: они искренни, и потому примите ихъ и этотъ небольшой подарокъ въ простотѣ сердца, — какъ просто, сердечно и безхитростно ихъ мы Вамъ приносимъ.

И да благословитъ Васъ Богъ еще долгіе годы радовать Американскую церковь Вашими трудами, Вашей опытностью, Вашимъ добросовѣстивымъ отношеніемъ къ своему долгу! Да содѣлаетъ Онъ и надалѣе служеніе Ваше плодотворнымъ и да уцѣдритъ Васъ своими великими благостынями! Еже буди, буди!

Умиленный юбиляръ зяльно смущень былъ привѣтствіями и старался всячески отклонить отъ себя приносимыя ему похвалы, скромно увѣряя, что ничего сверхдолжнаго въ минувшіе годы имъ сдѣлано не было, а если что и нашлось добраго въ его работѣ, то этимъ онъ обязанъ Господу Создателю, Архипастырямъ и братьямъ-сослуживцамъ.

Чествованіе продолжалось и за радужной трапезой, которой о. юбиляръ и радужная его матушка-супруга потчира-

ли гостей. Присутствовавшей на торжествѣ Преосвященнѣйшій Рафаиль въ изящностроенной рѣчи высказалъ о. Петру немало сердечныхъ своихъ чувствъ и благожеланій.

Тѣми же чувствами звучали и другіе тосты. Многолѣтствовали присутствовавшихъ Архипастырей, и Архипастырей отсутствовавшихъ, при которыхъ началась и протекала жизнь и дѣятельность о. Попова. Прошито было дружное многолѣтіе и достопочтеннѣйшему батюшкѣ его, ма-

ститому протоіерею о. Игнатію Попову, подвизающемуся нынѣ въ Одессѣ при церкви Покрова.

Дай Богъ, дорогому о. юбиляру еще долгіе-долгіе годы преусиѣвать въ его доблестномъ служеніи на пользу дѣла Христова въ Америкѣ!

Таинственный звонъ.

*Вечерній звонъ! Вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ...*

Слыхалъ я въ жизни своей разныхъ звонъ: и унылый, мертвящій звонъ великопостный, и величественный, зовущій къ возрожденію звонъ пасхальный, и тревожный, неуверенный, какимъ встрѣчали людей со властью архіереевъ и губернаторовъ, и разудалый, задорный, какимъ ихъ провожали. Не такого звона, какимъ я былъ ошеломленъ въ одну изъ задумчивыхъ и туманныхъ ночей осени, я еще не слыхалъ...

Изнуренный прошедшимъ днемъ, я крѣпко спалъ, когда меня вдругъ разбудила толчкомъ въ плечо моя жена.

— Вставай, скорѣе! Въ нашей церкви кто-то звонитъ.

Я поднялся и, охваченный сладостной истомой, еле полуоткрылъ отяжелѣвшіе глаза. И, ничего не понимая, уставился на жену, стоявшую подлѣ моей постели съ крайне растеряннымъ видомъ. Обрывки недавняго сна еще бродили въ моей головѣ, но мой слухъ уже улавливалъ рѣдкіе и отдаленные удары знакомаго мнѣ колокола.

Я сталъ приходить въ себя и совсѣмъ открылъ глаза. Въ комнатѣ былъ сумракъ и безмятежный покой; въ углу, передъ иконой, догорала лампадка; въ окна, черезъ кисейныя занавѣски, хмуро глядѣла сѣровая мгла разсвѣта, и деревья, по-

груженные въ нее, походили на далекія, мертвыя тучи...

И вдругъ тихая, святая радость наполнила мою душу... Мнѣ почудилось, что я проснулся маленькимъ мальчикомъ на разсвѣтѣ великаго праздника, и этотъ звонъ, который я слышу, зоветъ меня къ святой заутрени. И грезится мнѣ — по тихимъ, темнымъ улицамъ моего родного города уже бредутъ въ одиночку и молчаливо, точно сонные, черные силуэты людей въ шубахъ, шапкахъ и платкахъ — и бредутъ всѣ въ одномъ направленіи, прямо къ церкви. Вздрагивая отъ ночного холода, бреду за ними и я. Вотъ и эта церковь, бѣлая и высокая, и сіяющая во тьмѣ ночи сіяніемъ сгнанныхъ. Съ благоговѣйнымъ трепетомъ вхожу я въ нее, и слезы умрленія и восторга показываются на глазахъ моихъ: передо мной невиданное море свѣта отъ сотенъ свѣчей, теплящихся въ ставникахъ, передъ иконами, и въ величественныхъ, хрустальныхъ паникадилахъ, плавающихъ въ вышинѣ, въ волнахъ опміама, и море народа, и море безмолвной, святой радости...

Но удары колокола почему-то перестаютъ литься по праздничному, они учащаются, и сладостная иллюзія исчезаетъ.

Звонъ попрежнему далекъ и неясенъ, и потому мнѣ кажется, что онъ во мнѣ, въ моихъ ушахъ, а не внѣ меня. Чтобы провѣрить себя, я подошелъ къ окну и приподнял его. И сразу, вмѣстѣ съ холоднымъ и влажнымъ воздухомъ догоравшей ночи, въ мою тихую и теплую комнату ворвались шумной гурьбой рѣзкіе и сильные колокольные удары. Сомнѣнія болѣе не оставалось: это былъ реальный звонъ, и звонъ — именно — нашего большого колокола.

И въ темныхъ, безлюдныхъ улицахъ города, и за рѣкой, гдѣ пролегало плотно желѣзной дороги, въ это время было удивительно тихо. Не плавали въ туманѣ

ночи ни красные огоньки, ни лязгъ цѣпей, ни стукъ тяжелыхъ колесъ, ни звонъ и рѣзкіе свистки паровозовъ. И деревья, росшіе по обѣимъ сторонамъ улицъ, были неподвижны и хмуры, точно и они были разслаблены отъ долгаго, осенняго сна и удручены его мрачными и зловѣщими видѣніями, — и среди этой гробовой тишины этотъ звонъ.

Съ каждой новой минутой онъ усиливался и учащался — и становилось похоже на то, какъ будто гдѣ-то случилось стихійное несчастье, и кто-то, съ мутящимся отъ ужаса сознаниемъ, отчаянно билъ въ набатъ, снѣна увѣдомить о немъ остальныхъ жителей, и было дико и странно слушать его...

А въ домахъ уже зажигались огоньки, мелькали черныя тѣни, глядѣли въ окна.

— Не загорѣлась-ли церковь? — молніей блеснуло у меня въ головѣ, и я весь похолодѣлъ. Мнѣ сразу, во всехъ мельчайшихъ подробностяхъ, припомнилась одна лѣтняя, лунная ночь, едва неокончившаяся несчастьемъ.

Жилъ я тогда на горѣ, противъ церкви, въ огромномъ домѣ китайскаго стила.

Время было субботнее, около полуночи. Окончивъ молитву передъ причащениемъ, умиротворенный, я вышелъ изъ душевой комнаты въ старый, тѣнистый садъ. Было свѣжо, всюду сверкала алмазами роса, и внизу, на рѣкѣ клубился бѣлесоватый паръ. Обдаваемый росой и волнами теплаго воздуха, вырывавшагося изъ гущины деревьевъ и кустовъ, я прошелъ въ конецъ сада, гдѣ совсѣмъ не было деревьевъ, и очарованнымъ взоромъ сталъ разсматривать развернувшуюся передо мной, въ сіяніи луны дивную панораму: ряды чистенькихъ, архитектурныхъ домиковъ, огдѣленныхъ другъ отъ друга и отъ улицъ лишь просторными зелеными лужайками, старыя, еѣтвистыя деревья, образовавшія изъ себя тѣнистыя ален, и

далекія лѣсистыя горы, съ разбросанными по нимъ фармами.

Взглянулъ я и на церковь и удивился: колокольное окно ея, обращенное къ лунѣ, играло не голубымъ, а красноватымъ отливомъ, словно было изнутри чѣмъ-то освѣщено. Я зашелъ съ другой, тѣневой стороны; я надѣялся увидѣть противоположное окно совершенно темнымъ, но — къ моему ужасу — оно свѣтилось еще ярче...

— Вѣроятно, въ церковь забрались воры! — подумалъ я и, въ сопровожденіи брата, тотчасъ отправился въ церковь, забрался на колокольню. Но то, что я тамъ увидѣлъ, оказалось гораздо страшнѣе воровъ: на сухой, деревянной перекладинѣ догорала свѣча, еще отъ всеобщей позабытая звонаремъ. Еще какихъ-нибудь пять минутъ, и наша церковь сдѣлалась бы добычей огня.

— Не позабылъ ли огарка кто-нибудь и сегодня? — мучительно думалъ я, напряженно всматриваясь въ ту сторону, гдѣ смутно вырисовывалась среди ночного хаоса колокольня.

Церковь была деревянная, сухая и отъ малѣйшей искры быстро воспламенилась-бы, и къ ней уже мчались бы пожарные. Но огня не было видно, а колоколь продолжалъ бѣсноваться...

— Кто же звонитъ? Не староста-ли, сойдя съ ума?

А этого можно было ожидать.. Днемъ, когда онъ былъ на заводѣ, а его жена — въ лавкѣ, у него утонулъ ребенокъ. Бѣгая вокругъ дерева, подлѣ обрыва, онъ вдругъ оступился и полетѣлъ въ рѣку, въ самый ея водоворотъ. И хотъ дѣти, игравшіеся съ нимъ, и подняли сразу крикъ, однако-пока сбѣжался соседъ его и слѣдъ исчезъ.

Отцу тотчасъ-же дали объ этомъ знать. Растерянный, весь въ слезахъ, сбѣжалъ онъ домой, а оттуда — къ рѣкѣ,

но ничего, на всемъ ея протяженіи, не увидѣлъ.

Потомъ, съ полудня и до поздней ночи въ водѣ бродили нагими, палимые солнцемъ, его квартиранты; они то забрасывали неводъ, то шарили баграме между корней дерева.

А съ покатаго берега за ними наблюдала толпа, о чемъ-то тихо разговаривая. И только отецъ утопленника стоялъ особнякомъ, точно окаменѣлый, безъ думъ, безъ словъ, безъ движеній...

Болѣе бойкіе изъ братчиковъ ходили къ „компанистамъ“ — и тѣ разрѣшили поднять въ низовьяхъ рѣки шлюзы и спустить на ночь воду.

Уже гасла зари, и въ небѣ блестѣлъ мѣсяцъ, когда во многихъ мѣстахъ показалось илстое дно. Озаренные съ одной стороны фонарями, а съ другой — мѣсяцемъ, люди продолжали искать, но ребенка не находили.

Толпа росла... Отецъ попрежнему былъ неподвиженъ и одинокъ, но теперь на заплаканномъ лицѣ его, вмѣсто тупой бессмысленности, лежала мрачная тѣнь отчаянія и ужаса. Онъ былъ человекъ глубоко вѣрующій, и теперь его ужасало не то, что сынъ его утонулъ, но то, что онъ останется безъ погребенія...

Поздно ночью я ушелъ оттуда, но просивъ извѣстить меня немедленно, если только ребенка найдутъ. Но меня не извѣстили.

Очевидно, отецъ не выдержалъ, сошелъ съ ума, и теперь, на разсвѣтѣ, перезваниваетъ по своему покойномъ сынѣ.

— По нужно поскорѣе его остановить, рѣшилъ я про себя, и быстро одѣвшись, побѣжалъ къ церкви. Сталъ поворачивать на гору — звонъ вдругъ прекратился; подошелъ къ церкви — панель ее запертой; вошелъ въ нее — всюду темно и тихо, вышелъ опять на улицу — подъ электрическимъ фонаремъ откуда-то

взялось трое ирландскихъ хлопцевъ и спрашиваютъ меня, не въ нашей ли церкви только что звонили и по какому случаю.

А со всѣхъ сторонъ, по улицамъ и черезъ заборы уже снѣбнать въ предутренней мглѣ мои прихожане.

— Кто звонилъ? — спрашиваютъ они меня, еле переводя духъ.

— Не знаю! — отвѣтилъ я. Я никого не засталъ и двери нашелъ закрытыми.

Это ихъ крайне заинтриговало, и они бросились осматривать церковь, всѣ ея углы, колокольню, школу, подвалъ. И нашли дверь подвала, обычно подпираемую изнутри только колодой, отворенной... Очевидно, черезъ нее кто-то и пробрался въ церковь.

Но кто — именно? — это такъ и осталось для насъ загадкой.

— А мы думали, что звонилъ староста, сойдя съ ума, и что мы его еще застанемъ здѣсь! — бросили они мнѣ, расходясь по домамъ.

.....

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, ко мнѣ зашелъ одинъ прихожанинъ, всегда очень освѣдомленный относительно дѣлъ въ униатскомъ приходѣ.

Лицо его по-обыкновенію было печально.

— Слыхалъ ли, Семень, какъ сегодня ночью у насъ звонили? — спросилъ я его. То-то теперь надъ нами будутъ смѣяться униаты, будутъ говорить, что „мо-скаль“ съ ума сошли!

— Униаты? — съ невозмутимымъ спокойствіемъ переспросилъ Семень. — Не они надъ нами, а мы надъ ними посмѣемся: вѣдь — и у нихъ ночью звонили... Пришли ирландскіе парни, представили къ колокольнѣ лѣстницу, взобрались по ней и давай „во вся тяжкая звонить“.

Ночь съ перенугу лишился чувствъ, а униаты, жившіе противъ церкви, повы-

скакивали въ нижнемъ бѣльѣ, оттащили лѣстницу, вбѣжали въ церковь и давай въ потьмахъ ловить ирландцевъ и мять имъ бока. Но по ошибкѣ — больше памяли другъ другу, чѣмъ ирландцамъ. А ирландцы, убѣгая, еще начали стрѣлять изъ револьверовъ, повыбивали имъ окна, и одного уніата даже ранили!

Теперь для меня стало все понятнымъ. Я совсѣмъ позабылъ что вѣдь вчера былъ „крези дей“ (*), какъ называли его наши русины, и что даже поздно ночью, когда я возвращался отъ старосты, толпы дѣвицъ и парней, причудливо разряженныхъ, въ маскахъ, съ пищалями, звонками и жестяными коробками, еще бѣсновались на улицахъ и унесли мою калитку...

Они то по сумашедшему и закончили ночь, безпорядочнымъ звономъ въ чужіе колокола...

Свящ. О. Букетовъ.

Montreal, Canada.

О заблужденіяхъ Римско-Католической Церкви.

Постъ въ субботу.

Св. Евангеліе повѣствуетъ: однажды пришли ко Христу іудейскіе книжники и фарисеи и спросили: „почему ученики Іоанновы постятся часто и молитвы творятъ, также и фарисейскіе; а Твои ѣдятъ и пьютъ? Онъ сказалъ имъ: можете-ли заставить сыновъ чертога брачнаго поститься, когда съ ними женихъ? Но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ; и тогда будутъ поститься въ тѣ дни“ (Лук. 5, 33—35). Этими словами Спаситель ясно узаконилъ, въ какіе именно дни христіане должны соблюдать постъ: „когда отнимется у нихъ женихъ“. А такъ какъ преданіе Христа на вольныя страданія

*) „Сумашедшій день“.

Иудой произошло въ среду, а смерть Его на крестѣ послѣдовала въ пятницу, то среда и пятница и явились среди остальныхъ дней недѣли днями поста. Такъ постановили св. Апостолы, свидѣтели страданій Спасителя и проповѣдники Его Божественнаго ученія. Исполняя завѣтъ своего Учителя, апостолы не только постановили, чтобы среда и пятница являлись для христіанъ днями поста, но положили наказаніе на тѣхъ, которые въ среду и пятницу не будутъ поститься. „Аще кто, гласитъ 69-е правило св. апостоловъ, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или иподіаконъ, или чтець, или пѣвецъ не постится во св. четырехдесятницу предъ Пасхой, или въ среду, или въ пятокъ, кромѣ пренятствія отъ немощи тѣлесныя: да будетъ изверженъ. Аще-же мѣрянинъ, да будетъ отлученъ.“

Впослѣдствіи это правило было подтверждено шестымъ Вселенскимъ и Лаодикійскимъ помѣстнымъ соборами. Казалось-бы, что въ виду необычайной авторитетности вышеозначеннаго постановленія о постѣ въ среду и пятокъ долгъ Церкви заключался въ томъ, чтобы слѣдить за неуклоннымъ исполненіемъ его. Но не такъ взглянула на дѣло Западная Церковь, и вопреки правиламъ Св. Апостоловъ и Соборовъ, самовольно отмѣнила постъ въ среду и установила его въ субботу.

Что, сказать объ этомъ установленіи Западной Церкви? Двухъ отвѣтовъ быть не можетъ: нарушеніемъ апостольскаго и соборныхъ правилъ Церковь Католическая показала явное презрѣніе къ ученію апостоловъ и соборовъ и поставила декреты своихъ папъ, конми установленъ у католиковъ постъ въ субботу, выше законовъ апостольскихъ и соборныхъ. Но что особенно важно, своимъ постановленіемъ о постѣ именно въ субботу Католическая Церковь буквально насмѣялась надъ апо-

стольскими узаконеніями, такъ какъ именно въ субботу правилами св. апостоловъ возпрещается устанавливать постъ. Такъ 64-е правило св. Апостоловъ заповѣдуетъ: „Аще кто изъ клира усмотрѣнъ будетъ постящимся въ день Господень, или въ субботу, кромѣ единя только (великой субботы); да будетъ изверженъ. Аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ“. Но не смотря на ясное и прямое правило, Церковь Западная еще въ древности соблюдала постъ въ субботу, дѣйствуя, такимъ образомъ, вопреки апостольскому ученію. На такой незаконный обычай Римской Церкви обратилъ вниманіе Шестой Вселенскій Соборъ и 55-мъ правиломъ постановилъ, чтобы во всѣхъ Церквахъ неуклонно исполнялось вышеупомянутое 64-е правило св. Апостоловъ, воспрещающее постъ въ субботу. „Узнавъ святой Соборъ, пишетъ толковникъ соборныхъ правилъ, что въ Римскомъ градѣ преступаютъ 64-е правило святыхъ апостоловъ, которое повелѣваетъ кромѣ великой субботы въ инья субботы не поститься; повелѣлъ и въ Римской Церкви неподвижно такому апостольскому правилу быти“. Оказалось, однако, что постановленія Вселенскаго Собора не имѣли для Римской Церкви никакого значенія. И вотъ декретами своихъ папъ она окончательно узаконяетъ постъ въ субботу. Слѣдовательно, установленіе поста въ субботу явилось новымъ заблужденіемъ Западной Церкви, новымъ отступленіемъ отъ древне-апостольскаго и церковнаго преданія. Обличеніе этому нововведенію Католической Церкви мы можемъ найти въ сочиненіяхъ даже Латинскихъ писателей. Такъ, по сказанію латинскаго историка Арто, около 985-го года въ Италіи появилось два отшельника—Ромуальдъ и Ниль. Одинъ каноникъ, замѣтивъ, что Ниль не постится въ субботу, началъ дѣлать ему наставленіе. Тогда Ниль сказалъ каноннику: „Если

вы будете упрекать насъ за то, что мы не постимся въ субботу, то берегитесь, чтобы вамъ не пришлось имѣть дѣло съ Столпами Церкви св. Василиемъ, св. Афанасіемъ, св. Григоріемъ, св. Златоустомъ, также и съ соборами“. Дѣйствительно, самовольнымъ установленіемъ поста въ субботу Западная Церковь подвела себя подъ осужденіе, наложенное святыми отцами и соборами на всѣхъ ослушниковъ и нарушителей Соборныхъ постановленій и Апостольскихъ правилъ. Теперь ясно, насколько далека Католическая Церковь отъ древней Вселенской Церкви и какъ чужда она того благочеція, которое было завѣщано древнимъ апостольскимъ и церковнымъ преданіемъ.

Православный мірянинъ.

(Волин. Епарх. Вѣд.).

Законъ о натурализаціи.

Основнымъ условіемъ для принятія иностранцами американскаго гражданства является непрерывное жительство въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ впродолженіе пяти лѣтъ.

Самое принятіе гражданства состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ актовъ, притомъ отдѣльныхъ значительнымъ промежуткомъ времени, а именно:

I. Лицо, желающее принять американское гражданство, должно обратиться въ одинъ изъ федеральныхъ судовъ Соединенныхъ Штатовъ (а если оно живетъ въ одной и территорій, то въ территориальный судъ), или въ одинъ изъ судовъ штата, гдѣ оно живетъ, но лишь въ такой судъ, который имѣетъ печать и канцелярію, и заявить, что оно имѣетъ намѣреніе сдѣлаться гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ и навсегда отказаться отъ подданства какому-бы то ни было иностран-

ному принцу или иностранному правительству.

II. По истеченіи не менѣе двухъ и не болѣе семи лѣтъ со времени заявленія имъ упомянутаго въ предыдущемъ пунктѣ намѣренія, лицо, желающее принять американское гражданство, должно обратиться въ одинъ изъ упомянутыхъ въ предыдущемъ пунктѣ судовъ съ прошеніемъ, подтвержденнымъ письменною присягою двухъ свидѣтелей, которые должны заявить, что они сами граждане Соединенныхъ Штатовъ и что они знаютъ просителя не менѣе пяти лѣтъ. Въ этомъ прошеніи проситель долженъ подтвердить, что онъ намѣренъ сдѣлаться гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ и имѣти въ нихъ постоянное жительство, что онъ не есть противникъ организованнаго правительства, что онъ не есть сторонникъ полигаміи, и, наконецъ, что онъ отказывается отъ подданства какого-бы то ни было другого государства. Онъ также долженъ принять присягу въ томъ, что онъ будетъ поддерживать конституцію Соединенныхъ Штатовъ. Если проситель имѣетъ какой-нибудь наслѣдственный титулъ, онъ долженъ отъ него отказаться.

Судъ, убѣдившись, что проситель прожилъ не менѣе пяти лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ и не менѣе одного года въ томъ штатѣ или территоріи, гдѣ судъ находится, и что онъ чловѣкъ доброй нравственности, допускаетъ его къ гражданству.

Къ лицамъ, абсолютно изъятымъ отъ права быть допущенными къ принятію американскаго гражданства, относятся:

- 1) китайцы,
- 2) лица, питающія оппозицію организованному правительству, или проповѣдующія убійство какого-либо представителя организованнаго правительства, или же принадлежація къ обществамъ, проповѣдующимъ такіа ученія,

и 3) лица, не имѣющія говорить по англійски.

Если лицо, принимающее американское гражданство, имѣетъ дѣтей молже 21 года отъ роду, то эти дѣти считаются натурализованными одновременно съ натурализаціей ихъ родителей.

Натурализованные американскіе граждане, во время своего нахождения за границей, пользуются такою-же защитой американскаго правительства, какъ и природные граждане.

Что-же касается права вотированія, составляющаго одну изъ главныхъ привилегій американскаго гражданства, то такое определяется не федеральнымъ правительствомъ, а законами отдѣльныхъ штатовъ, и поэтому условія для вотированія отличаются замѣтнымъ разнообразіемъ. Такъ, нѣкоторые штаты (около половины) допускаютъ къ вотированію лишь лицъ, принявшихъ американское гражданство; другія допускаютъ и такихъ, которые исполнили лишь первый актъ натурализаціи, т. е. формально заявили намѣреніе сдѣлаться американскими гражданами. Во всѣхъ штатахъ, независимо отъ гражданства, требуется отъ лицъ, желающихъ пользоваться правомъ вотированія, жительство въ штатѣ въ продолженіе извѣстнаго срока, который въ различныхъ штатахъ представляется различнымъ и, въ общемъ, колеблется въ предѣлахъ между 6 мѣсяцами и двумя годами.

(См. „Современная Америка“

Л. С. Хольцова).

Редакторъ,

Каѳедральный Протоіерей А. Хотовицкій.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„АМЕРИКАНСКІЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и «Англійскія приложенія»

(Органъ Православной Американской Миссіи).

ВЪ 1908 ГОДУ.

Русское изданіе остается по существу вѣрнымъ первоначальной, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ, программѣ:

Возвѣщать въ инославной средѣ догматическую и историческую правду Православія, какъ путемъ раскрытія положительнаго ученія церкви, такъ и путемъ разъясненія и опроверженія заблужденій противниковъ;

Защищать правоту русскаго православнаго дѣла отъ непріязненныхъ выходовъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ газетъ, враждебно относящихся къ успѣхамъ русскихъ миссіонеровъ въ этой странѣ;

Всѣмъ православнымъ—переселенцамъ изъ „старого края“ внушать чувства любви и преданности своей вѣрѣ и родинѣ, воодушевляясь которыми они могли бы не только противостоять неблагопріятному вліянію окружающей инославной среды, но и сами—вліять на нее;

Пріобщая путемъ печати душу и сердце этихъ людей къ жизни роднаго народа — одновременно и въ читателяхъ Стараго Свѣта вызывать участіе къ жизни и быту ихъ далекихъ земляковъ.

Постепенно знакомить мѣстныхъ иностранныхъ читателей — Американцевъ съ дѣйствительнымъ типомъ русскаго человѣка, съ духомъ и обычаями русской страны, поселяя въ Американской средѣ — на мѣсто предубѣжденія — симпатіи къ нашему родному народу.

Содержаніе „Англійскихъ приложеній“ составляютъ какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи и замѣтки — догматическія, литургическія, историко-полемическія, бытовыя, и др. посвященныя: выясненію правды Православія, обзорѣнію современныхъ церковныхъ событій въ православной Россіи, на Востокъ и въ нашихъ заграничныхъ миссіяхъ, по преимуществу въ миссіи Алеутской и Сѣверо-Американской; біографіямъ выдающихся православныхъ дѣятелей и т. д.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Одно русское изданіе „Американскаго Православнаго Вѣстника“ (24 выпуска въ году, не менѣе 16 стр. большаго формата въ каждомъ) два доллара или **четыре** руб. „Англійскія Приложенія“ къ А. П. Вѣстнику (ежемесячно, книжками отъ 32 стр.) 1 долл. **50** ц., или **три** рубля. „Американскій Православный Вѣстникъ“ съ Англійскими приложеніями: **три** доллара или **шесть** рублей.

Адресъ:

REV. A. A. HOTOVITZKY

15 E. 97 STREET.

NEW YORK CITY.